

Г. М. ХАРТМАН

ЗНАЧЕНИЕ ГРЕЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ДЛЯ РАЗВИТИЯ ИТАЛЬЯНСКОГО ГУМАНИЗМА

I

Формулировка темы моей работы — значение греческой культуры * для развития итальянского гуманизма — определяет и то направление, которого я хочу придерживаться в настоящем исследовании.

Греческое влияние на итальянский гуманизм ощущается не столько в начале, сколько в дальнейшем развитии гуманистического движения. Нельзя, конечно, сказать, что до завоевания турками Константинополя в 1453 г. гуманисты совсем не были знакомы с древней и новой греческой культурой. Однако усвоение итальянским гуманизмом существа греческой культуры было бы правильней поставить в связь с появлением греческих ученых в Италии в конце XIV в. и особенно после крушения Восточной Римской империи **. Как раз с этого времени гуманизм превращается в культурное течение, которое обычно называют Ренессансом (в Италии — *Rinascita* или *Rinascimento*, а также *Risorgimento*). Едва ли можно сомневаться, что это превращение происходит под влиянием греческой культуры на пробудившуюся к новой жизни мысль итальянских гуманистов. Вот почему так важно проследить те пути и формы, в которых осуществлялось это влияние, особенно в XIV—XV вв.

Первым опытом основательного изучения имеющихся здесь в виду отношений между Восточным и Западным Римом была работа Карла Вотке (*Karl Wotke*) «О влиянии византийской литературы на представителей раннего итальянского гуманизма», вошедшая в состав опубликованных в Лейпциге в 1894 г. «Докладов на 42 собраниях немецких филологов и учителей в Вене 24—27 мая 1893 г.», (стр. 290—293).

Этот опыт остался, собственно говоря, пока без последствий, во всяком случае в Германии, хотя там еще до Вотке вопроса о многообразной деятельности византийских греков в Италии касался и Георг Фойгт (*Georg Voigt*) в своем известном труде «Воскрешение классической древности или первый век гуманизма» (Берлин, 1880—1881 гг.).

Даже результаты исследований Джузеппе Каммелли (*Giuseppe Cammelli*), опубликованные им в широко задуманном труде «Византийские ученые и происхождение гуманизма» (Флоренция, 1941), говорят о том, как много еще следует сделать в этой области.

* В немецком оригинале статьи здесь и часто дальше: «Griechentum». — *Ред.*

** Восточной Римской империей автор называет и Византию XIV—XV вв. — *Ред.*

II

К новым берегам

4 ноября 1485 г. — значительный день в истории итальянского гуманизма. Вечером этого ноябрьского дня великий итальянский гуманист Андже́ло Полициано начал в актовом зале Флорентийского университета цикл лекций о Гомеровом эпосе. До этого лекции обычно читались (во всяком случае итальянскими учеными) о латинских авторах. Однако изучение греческого языка уже и тогда практиковалось в кругах гуманистов. Полициано уже в первой лекции о Гомере мог сказать своим слушателям: «Это вы, флорентийцы, в вашем городе возродили греческую культуру, давно угасшую в самой Греции. Она расцвела настолько, что отныне ваши сограждане могут преподавать и преподают греческую литературу во Флоренции. Ваши сыновья говорят на аттическом наречии — явление, не случавшееся в Италии уже тысячу лет! — причем соблюдают такую чистоту [языка] и [изъясняются] с такой легкостью, что кажется, будто Афины вовсе не были ни разрушены, ни захвачены варварами, но вдруг поднялись и со всей своей культурой и знанием переселились на берега Арно»¹.

За девяносто лет до этой лекции Колуччо Салютати (Coluccio Salutati), канцлер флорентийской синьории, радостно и с благодарностью приветствовал в своем письме прибывших в Венецию греческих ученых Мануила Хрисолора и Димитрия Кидониса как предвестников распространения культуры, которая должна будет направить деятельность итальянских гуманистов по совершенно новому пути. Уже это первое выступление греческих ученых в Италии имело важное значение для развития итальянского гуманизма. Поэтому это успешное начало греческих штудий в Италии должно быть освещено подробнее.

Конечно, итальянские гуманисты и сами ощущали необходимость посетить Грецию, чтобы на месте черпать из источников греческой мудрости и ощутить дух античной культуры. Молодой Якопо д'Андже́ло, друг Колуччо Салютати положил начало этим путешествиям, отправившись вместе с Мануилом Хрисолором и Димитрием Кидонисом на их родину. Его примеру последовали Гварино из Вероны, Джованни Аури́спа, привезший греческие рукописи для итальянских библиотек, а также и Франческо Филельфо; последний, будучи в Константинополе, воспитание своего сына Джан Марио доверил Аргиропулу, который читал тогда свои публичные лекции в тамошнем Музее Ксенона.

Вскоре и те, которые не овладели греческим языком, получили возможность познакомиться с греческой мыслью в многочисленных переводах, издававшихся все чаще и вполне удовлетворявших любознательность многих.

III

Предпосылки изучения греческой культуры
в Италии

Пока итальянцы не знали греческого языка, общение между ними и греками могло происходить только с помощью латыни. Грекам же, уже с давних пор, в результате политического разобщения греческого мира и

¹ Samelli, I, 6. (Полное название цитируемых изданий см. в прилагаемом списке литературы — стр. 123—124).

Запада, латинский язык стал чужим. Главенство Рима в церковной сфере, а также политическое главенство тесно связанной с Римом Германской империи, заставили Запад пойти путями, едва ли не исключившими взаимопонимание с Востоком. Но это ни в коем случае не означало экономического отстранения от Востока. Достаточно вспомнить хотя бы об оживленных торговых отношениях между Венецией и Левантом, которые во времена крестовых походов достигли такого размаха, что венецианцы в начале XIII в. для обеспечения своих интересов на Востоке стали на путь завоевания Византии и создания так называемой Латинской империи.

Именно эти торгово-политические связи с Востоком и объясняют нам интерес как венецианских купцов, так и банкирского дома Медичи, а также пап, к расширению изучения греческого языка, сыгравшего, как известно, важную роль в развитии итальянского гуманизма.

Разделение церквей, восточной и западной, последовавшее после того, как 16 июля 1054 г. папским легатом был положен на главный алтарь Софии Константинопольской эдикт папы об отлучении византийского патриарха Михаила Керулария, не было ликвидировано (и даже ослаблено) ни Лионским собором 1274 г., ни Флорентийским собором 1409 г., особенно важным для рассматриваемых здесь связей между Италией и Византией.

Хотя 6 июля 1439 г. и была действительно заключена уния в церкви Санта Мариа дель Фиоре во Флоренции между папой Евгением IV и византийским императором Иоанном VIII, но греческий народ вовсе не одобрял достигнутых Флорентийским собором результатов. Это пришлось почувствовать императору, когда он возвратился в Константинополь.

Не достигнутого унией не удалось добиться и при помощи браков между византийским императорским домом и итальянскими княжескими фамилиями. О действительном характере отношений между византийцами и Западом очень метко сказал Шарль Диль в своих «Византийских портретах»: «Необходимость, вызванная политической ситуацией, тянула Византию в сторону латинян, но союз не мог быть длительным и разрыв угрожал постоянно. Оба мира сближались на время, в силу своих интересов, но сердца в этом сближении никогда не было»².

Все же частные переговоры об унии привели к личному сближению представителей обеих частей прежнего Imperium Romanum. Но это стало возможным только благодаря тому, что греческие посланцы, во всяком случае те, которым приходилось выступать как ораторам, хоть в какой-то мере, владели латинским языком. В богословских кругах Византии латинский язык тоже был еще в ходу.

Вероятно, именно догматические споры между Римом и Византией побуждали изучать латинский язык и литературу также Максима Плануда, родившегося около 1260 г. в Никомедии и после разносторонней педагогической деятельности скончавшегося в 1310 г. в Константинополе. Как знатоку латыни, византийский император Андроник II мог поручить ему вместе с начальником сиротского дома Львом Вардалесом посольство в Венецию в 1296 г. Правда, мост, перекинутый Максимом Планудом между Востоком и Западом, больше способствовал распространению латинских знаний на его родине, чем греческих в Италии, но все же мы имеем право рассматривать Максима Плануда как одного из действительных пионеров того движения, которому почти целое столетие спустя содействовал Мануил Хрисолор, вводя итальянских гуманистов в изучение греческого языка и литературы.

² Ch. Diehl, 2. p. 278.

Литературная деятельность Максима Плануда, как впоследствии — Хрисолора, была в основном посвящена нуждам преподавания. Его грамматика (*Περὶ γραμματικῆς*), написанная в форме диалога между Палетимом и Неофроном, предназначалась для школ, как и подобный ей учебник «Ἐρωτήματα γραμματικά» («Вопросы по грамматике») Мануила Мосхопула, его ученика и друга, или как «Ἐρωτήματα» Мануила Хрисолора и «Ἐρωτήματα» Димитрия Халкокондила. Для греков, интересующихся гуманизмом, особо важное значение имели переводы Плануда с латинского на греческий. Нас, конечно, очень интересует, что переводил Плануд для своих соотечественников. Я назову в первую очередь сборник изречений Катона Старшего, прозаический перевод «Метаморфоз» и «Героинь» Овидия, «Сон Сципиона» Цицерона, с комментарием Макробия, далее «Записки о галльской войне» Цезаря, сочинение Боэция «О философском утешении», причем включенные в это произведение стихи передавались размером подлинника, и, наконец, «О троице» Августина, а также учебник латыни «Ars minor» Доната. Для итальянских гуманистов важен был его сборник отрывков историко-географического содержания «Συναγωγή ἐκλεγείσα ἀπὸ διαφόρων βιβλίων». В этом сборнике имеются выдержки из Платона, Аристотеля, Страбона, Диона Кассия (из более поздних списков произведений этого автора), Синезия, Диона Хрисостома, исключительного знатока греческой древности³, Иоанна Лиди и из хроники Манасси. После такой предварительной работы, проделанной Планудом, не удивительно, что Хрисолор мог самостоятельно изучить латынь и успешно преподавать греческий итальянским гуманистам на известном им языке.

Говоря об изучении латинского языка в Византии, следует напомнить и такие факты. В начале XIV столетия монах Аспазий, калабриец, как и упоминающийся ниже Варлаам, был приглашен в Константинополь с тем, чтобы обучать латинскому языку будущего преподавателя права Константина Арменопула. В 1355 г. император Иоанн V Палеолог заручился обещанием Иннокентия VI доставить его первенцу преподавателя латинского языка; император собирался передать обширные *ὁσπήτια* для *διδασκαλεῖα* *λατινικῶν γραμμάτων*, с тем чтобы эти занятия посещались также сыновьями знати и богачей⁴. Выбор учебных дисциплин был приспособлен к латинской школьной системе «семи свободных искусств». Четкую формулировку «семи свободных искусств», как *ἑπτὰς τῶν μαθημάτων*, дал Иосиф Вриенний⁵.

При возникновении гуманистического течения в Италии греческому языку еще не придавалось существенного значения. Но уже Петрарка в XIV в. пытался овладеть греческим. Его учителем был монах из Семинары* в Калабрии — Варлаам, которого Андроник III направил в 1339 г. послом в Авиньон для переговоров с папой Бенедиктом XII, оставшихся, однако, безрезультатными. Петрарка, живший в то время в Авиньоне, не сумел, судя по его собственным выражающим огорчение намекам, продвинуться дальше элементарных основ греческого. И когда в 1353 г. грек Сигерос прислал Петрарке одну из рукописей Гомера, тот был очень рад, но не мог с ней ничего сделать, кроме как обнять эту драгоценность и радоваться, глядя на нее⁶. Первый латинский перевод Гомера, которого до сих пор знали только в отрывках, Петрарка поручил сделать лишь

³ Naegele, BZ, Bd. 13, 1904, S. 73 f.

⁴ Theiner—Miklosich, p. 29, 30.

⁵ Zampelios, p. 253.

* Имеется в виду василианский монастырь св. Филарета в Семинаре (Seminara в Южной Калабрии). — Ред.

⁶ Gaspary, I, S. 424.

десять лет спустя другому калабрийцу, Леонтию Пилату, известному также и тем, что его привлек Бокаччо к преподавательской деятельности во Флоренции.

Только с появлением в Италии греков, владевших латинским языком, итальянцы могли приступить к основательному изучению греческого языка и литературы.

IV

Начало серьезного изучения греческого языка и литературы в гуманистических кругах Италии

В 1394 или 1395 г. из Византии в Венецию вместе с Димитрием Кидонисом прибыл Мануил Хрисолор в качестве посланника императора Мануила II Палеолога, чтобы привлечь Венецианскую Республику на свою сторону в борьбе против турок. Теперь дело касалось уже не только церковной унии: речь шла о большем — стоял вопрос о самом существовании Восточной Римской империи. Над империей навис кровавый призрак чудовищной военной опасности, для ликвидации которой необходима была действенная помощь Запада. В связи с этим нужно было убедить правителей западноевропейских стран и самого папу в том, что оборона против турок имеет решающее значение не только для существования греков, но также и для существования стран Западной Европы. Следовательно, Хрисолору была поручена исключительно политическая миссия, которой он был обязан своему знанию латинского языка.

Получив известие о его прибытии в Венецию, молодые флорентийцы Роберто Росси и Якопо д'Анджело поспешили туда, чтобы приветствовать прославленного ученого. Из Венеции Роберто Росси поехал вместе с Хрисолором в Константинополь; затем он сопровождал его в его второй поездке в Италию в конце 1396 г., когда Хрисолор был приглашен во Флоренцию для преподавания греческого языка.

О первом пребывании Мануила Хрисолора в Италии мы подробнее узнаем из трех писем уже упомянутого Колуччо Салютати (1330—1406), тогдашнего канцлера флорентийской синьории и к тому же друга Петрарки.

Этот любознательный 65-летний гуманист радостно приветствовал представившуюся благодаря приезду Мануила Хрисолора возможность изучения греческого языка. В письме к Димитрию Кидонису в 1396 г. он пишет, что в своих занятиях следует примеру Катона, который уже в старости трудился над греческим языком: «Быть может, по примеру нашего Катона, то есть в конце жизни, и я устремлюсь к греческой литературе и к тем ее образцам, которые я познал из наших занятий. Так я постигну аргольскую дисциплину»⁷.

В этом же письме Колуччо передает своего друга Якопо д'Анджело, находящегося в этот момент в Греции, попечению Димитрия и Хрисолора и заканчивает письмо сообщением о том, что во Флоренции преподавателем греческого языка уже избрали Мануила, пусть только приезжает, здесь он может достичь чести и славы⁸.

Это же подтверждает Колуччо во втором из трех сохранившихся писем, которое на этот раз было адресовано непосредственно Хрисолору и датировано 8 марта 1396 г.

⁷ Novati, Ep. di Salutati, 3, 109.

⁸ Ibid., 3, 119.

25 марта того же года Колуччо написал еще одно письмо Якопо д'Анджело, которого он в письме от 8 марта горячо рекомендовал с нетерпением ожидаемому во Флоренции ученому Мануилу Хрисолору. В этом третьем письме он снова подтверждает приглашение Хрисолора в качестве учителя греческого языка во Флоренцию, и дает серьезные советы по поводу изучения этого языка самому Якопо д'Анджело. Все это письмо нас живо интересует, так как в нем ярко отражено горячее желание отправителя и его друзей Никколо Никколи и Роберто Росси как можно скорее изучить греческий язык⁹. 28 марта 1396 г. Колуччо послал ученому греку официальное решение Флорентийской республики от 23 февраля этого года в лестном письме, где он сообщает, в частности, и условия, ему предлагаемые: Мануил Хрисолор обязан за годовое жалованье в 100 флоринов золотом в течение 10 лет преподавать греческий язык каждому, кто пожелает его изучать, не имея права спрашивать больше, чем каждый ученик сам ему предложит (эти условия были в дальнейшем уточнены и подтверждены в особом договоре от 11 декабря 1396 г.). В приглашении, которое Колуччо послал Хрисолору, ясно сказано, что Республика ищет преподавателя, владеющего и греческим и латинским языками. Хрисолор, действительно, изучил латинский язык еще в Греции, причем самостоятельно, без помощи преподавателя, как это подчеркивает Джулиано в его «Orazione funebre»¹⁰ на смерть Хрисолора.

Конечно, нельзя было ожидать, чтобы грек овладел латынью в совершенстве, как владел ею, например, Колуччо Салютати. Но для целей, которые ставили себе гуманисты во Флоренции, было достаточно того, что греческий учитель мог хорошо объясняться со своими итальянскими слушателями.

Как бы там ни было, очевидно, что Хрисолор пошел навстречу пожеланиям флорентийцев и решил поехать в Италию, правда, с тяжелым сердцем и не без серьезных предупреждений со стороны друзей¹¹.

В Венецию Хрисолор прибыл в 1396 г. несомненно до 11 декабря, т. е. до того дня, как был заключен уже упомянутый договор с флорентийским правительством. Во Флоренции он появился, самое позднее, в начале февраля 1397 г. Во всяком случае 2 февраля он представился «приорам искусств» Флорентийского университета. Следовательно, он принял условия договора от 11 декабря 1396 г. Эти условия были для него более выгодными, чем предложения от 23 февраля 1396 г. Жалование было увеличено до 150 флоринов золотом, срок преподавания сокращен до 5 лет, проводить занятия было разрешено на личной квартире преподавателя. В договоре был сохранен отвечающий демократическому характеру Флорентийской республики пункт, обязывающий Хрисолора преподавать греческий язык каждому, кто пожелает, не требуя особого вознаграждения¹².

Таким образом, Флоренция стала с февраля 1397 г. первым итальянским городом, где гуманисты могли регулярно заниматься изучением греческого языка под руководством многосторонне образованного грека, с которым ни в какой, конечно, степени не могли равняться ни калабриец Варлаам, ни необразованный Леонтий Пилат — учителя Петрарки и Боккаччо. Теперь, наконец, итальянские гуманисты могли изучать греческий в процессе занятий, которые велись на латинском языке, и получали возможность, независимо от латинских авторов, непосредственно изучать источники, из которых те черпали и которые были для них, гуманистов,

⁹ Novati, Ep. di Salutati, 3, 129—132.

¹⁰ Sabbadini, L'ultimo Ventennio, 17, 330.

¹¹ Cammelli, I, 39.

¹² Ibid., I, 41.

до сих пор недоступны. Разумеется, нельзя переоценивать значение этого нового положения вещей. Пока это было только начало проникновения в греческую античность.

Но для того, чтобы правильно оценить эти шаги на новом пути развития итальянского гуманизма, это стремление к новому подъему гуманистических штудий в предренессанскую пору, нам необходимо ближе познакомиться непосредственно с гуманистическими кругами того времени (т. е. около 1400 г.) и посмотреть, как был воспринят тогда этот подъем. И тут мы узнаем действительно нечто удивительное.

Современники Колуччо Салютати свидетельствуют о колоссальном влиянии новых штудий на восприимчивые умы учеников ученого грека. Сохранилось интересное в этом отношении письмо, написанное приблизительно 40 лет спустя после смерти греческого гуманиста: автор этого письма Баттиста Гварино, сын Джованни Гвариччо Веронезе, серьезно содействовавшего распространению греческих штудий в Италии. В упомянутом письме имеется указание на то, что своим приездом в Италию Хрисолор вновь воскресил и заставил сверкать прежним блеском науку, которая во многих областях пришла уже в упадок или почти угасла. Баттиста продолжает дословно так: «О праздничный день — его надо ежегодно торжественно вспоминать! — когда Мануил Хрисолор, принесший счастье всей Италии, приблизился к этим берегам! О спасительный, говорю, приход к нам этого мужа! Кто же до той поры мог называться хорошо образованным и действительно знающим? Кто читал Цицерона или Вергилия, или другого какого-либо превосходного поэта или оратора? Кто знал бы о делах римских владык, описанных Плутархом, если бы не пришло благоденствие в лице Мануила? Кто понимал бы, наконец, свойства латинского языка? После того, как он приобщил наших соотечественников к своему учению, мы увидели, сколько существовало раньше людей красноречивейших и ученейших в ораторском искусстве. И в нынешние времена мы замечаем красноречивых людей: они берут начало от его учения, а их речь струится, подобно пробивающимся отовсюду родникам элоквенции. Мы должны признать, что и сама эта элоквенция, и наши гуманистические штудии, которые почти совсем пришли в упадок, ожили благодаря старанию Мануила. . . , потому что, когда он обучал нас греческой литературе, от которой проистекает, как говорит Квинтилиан, и наша, то мы начали по-настоящему понимать латинскую литературу, а узнавая ее, стали заботиться ею и возвращать ее к жизни. . . »¹³

В организации занятий греческим языком во Флоренции не мало заслуг и у друзей Колуччо Салютати, а именно у Палла Строцци и Никколо Никколи, а также у Антонио Корбинелли¹⁴.

Уже по началу можно было судить, что выбор Хрисолора в качестве преподавателя оказался очень удачным. Его авторитет рос от лекции

¹³ «O festum diem et annua recordatione conselebrendum quo Manuel Chrysoloras toti salutifer Italiae has ad oras perrexit: O salubrem inquam ad nos viri illius adventum. Quis enim antea bene doctus et vere eruditus poterat appellari? Quis Ciceronem aut Virgilium aut aliquem probatum seu poetam seu oratorem perlegerat? Quis Romanorum principum res gestas a Plutarcho descriptas, nisi Manuelis beneficium accessisset, cognoscebat? Quis demum linguae latinae proprietatum callebat? Postea vero quam suam ipse doctrinam hominibus nostris impertivit, quam plures eloquentissimos et dicendi facundia eruditissimos extitisse videmus. His quoque temporibus disertos homines qui ab eius disciplina originem ducunt quasi scaturientes undique eloquii fontes manare ceruimus ipsam denique eloquentiam et nostra humanitatis studia, quae iam penitus occiderant, Manuelis industria revixisse fateri sane debemus. . . nam cum graecas ipse litteras doceret a quibus nostrae, ut Quintilianus ait, effluerent, tunc demum nostri veram latinarum cognitionem habere easque cognoscendo exercere et ad lucem revocare coeperunt». (Ep. di Guarino 2, p. 588).

¹⁴ Vespasiano — Frati, 2, 9.

к лекции, и поэтому становится понятным, отчего договором от 14 марта 1398 г. ему было повышено жалование до 250 флоринов¹⁵.

Лучшим учеником Хрисолора был Леонардо Бруни, надгробный памятник которому, сооруженный Бернардо Росселлино в Санта Кроче во Флоренции, вызывает всеобщее восхищение.

Из его «Записок» (*Regum suo tempore gestarum commentarii*), переведенных на итальянский разговорный язык Джироламо Пасквалини и частично опубликованных Ф. П. Луизо в 1899 г. во Флоренции в «*Le vere lodi de la inclita et gloriosa città di Firenze*», мы узнаем, что Леонардо Бруни одновременно с Руберто Руфо, Палла Строцци, а также вместе с Пьеро Верджерио и Якопо д'Анджело изучали греческий язык с 1398 до конца 1399 г. под руководством Хрисолора.

Зимой 1400/01 г. Верджерио писал из Падуи письмо одному греку, возможно, Димитрию Хрисолору, брату Мануила, о том, что, продолжая самостоятельно занятия греческим языком, он изучает греческих авторов, а именно: Фукидида, Платона и Гомера¹⁶. «Одиссею» Гомера он читает с помощью перевода Леонтия Пилата, а греческий текст дал ему Палла Строцци. Якопо д'Анджело предоставил ему «Горгия» Платона, а венецианец Пьеро Миани, епископ Виченцы, — Плутарха и Фукидида.

Любопытно письмо Пьеро Верджерио, адресованное одному флорентийцу и относящееся приблизительно к 1400—1404 гг., где говорится, что после ухода Хрисолора только немногие из его учеников продолжили изучение греческого языка. «Из тех, кто собрался вначале, одних утратил труд учения, других взяло отчаяние, так как дело требовало большой заботы и длительного времени»¹⁷.

Сам же Верджерио многое сделал для того, чтобы и в начале XV в. занятия греческим языком в Италии не прекращались. В Падуе он возбудил такой живой интерес к греческому языку в своих земляках, что Палла Строцци, изгнанный из Флоренции в 1434 г., явившись в Падую, нашел там плодотворную почву для деятельности в качестве преподавателя греческого языка. Верджерио (1370—1444) было 25 лет, когда Хрисолор прибыл во Флоренцию. Отпрыск одной из знатнейших фамилий Флоренции, он старался обеспечить Хрисолора необходимыми учебными пособиями, выписав из Греции на свои средства много рукописей, в том числе биографии Плутарха, произведения Платона, а также «Политику» Аристотеля, которую перевел Мессер Леонардо; достал он даже «Космографию» Птолемея. Греческое название «Γεωγραφία» последнего произведения Якопо д'Анджело изменил в своем переводе на «Космографию», как он сам отмечает в 1410 г. в посвящении папе Александру V, где он, кроме того, упоминает дословный перевод, сделанный Хрисолором.

Палла Строцци и Альбицци были ярыми врагами Медичи. Поэтому после возвращения Козимо в 1434 г. Палла Строцци должен был покинуть родной город и перебраться в Падую, где он и остался до смерти, которая последовала в 1462 г. Следует отметить, что когда в конце 1399 г. во Флоренции вспыхнула эпидемия чумы, Строцци перебрался в свое имение «Il Casentino», куда пригласил и Хрисолора. В Падуе Строцци организовал в своем доме школу греческого языка, в которой к числу учителей принадлежали также Иоанн Аргиропул и Андроник Каллист. Свое богатое собрание книг он завещал библиотеке Санта Джустина в Падуе.

¹⁵ Cammelli, I, 49.

¹⁶ Ep. di Vergerio, p. 240 et not 1.

¹⁷ «Nam multos qui ab initio convenerant, alios discendi labor deterruit, alios discendi desperatio, quasi maiori (sic!) cura et longiori (sic!) tempore opus esset!» Впервые опубликовано Якопо Бернарди в «Archivio storico Italiano», Serie 3, 23, 1876, p. 177—186.

В этом собрании находится, между прочим, четвероевангелие на греческом языке, принадлежавшее Мануилу Хрисолору¹⁸.

Среди первых учеников Хрисолора наряду с Якопо д'Анджело был и Роберто Росси. Последний после отъезда Хрисолора сам стал преподавать греческий язык, и в частности — Козимо Медичи и его брату Лоренцо, дяде известного Лоренцо Великолепного. Веспасиано да Бистиччи подтверждает, что Росси перевел все произведения Аристотеля как по логике, так и по философии (*così in loica come in filosofia*)¹⁹.

Хотя Адольф Гаспари и называет Амброджо Траверсари учеником Хрисолора²⁰, однако существуют доказательства, что Траверсари изучил греческий язык самостоятельно. Так, сам Траверсари пишет в одном из писем к Франческо Копула о том, что он изучил греческий только с помощью греческой псалтыри, евангелия, посланий апостола Павла и деяний апостолов. Это же подтверждает и другое его письмо, написанное в Базеле в 1435 г., из которого мы узнаем, что он пользовался евангелием с греческим и латинским текстами²¹. Кроме того, Траверсари было всего 13 лет, когда Хрисолор уже уезжал из Флоренции.

Одним из учеников Хрисолора был, по-видимому, и Онъибене Скола. В одном латинском письме, адресованном Скола, Бруни характеризует его как «товарища по учению» (*socius studiorum*) и называет его «Panagathus», т. е. заменяя этим греческим именем итальянское *Ognibene*²².

В надгробной речи, посвященной Гварино, гуманист Людовико Карбоне называет учеником Хрисолора — причем вместе с Филельфо — также Джованни Ауриспа, имеющего большие заслуги в деле собирания греческих рукописей. Мы знаем, однако, что родившийся в 1398 г. Франческо Филельфо был учеником не Мануила Хрисолора, а Иоанна Хрисолора (племянника знаменитого греческого ученого); было это во время его (Филельфо) пребывания в Константинополе, где учениками Иоанна Хрисолора были также Пьер Паоло Верджеро и Леонардо Бруни Арреттино и где он (Филельфо) женился на Феодоре, дочери своего учителя²³.

Уже не раз шла речь о Колуччо Салютати и Никколо Никколи. Оба были очень близкими друзьями Хрисолора. Колуччо представляется нам человеком, который деятельно способствовал изучению греческого языка, особенно среди молодежи Флоренции. Во всяком случае Бруни говорит о том, что своим успехам в изучении латинского и греческого, а также в чтении античных авторов он был обязан именно Колуччо²⁴. Об отношении Колуччо к Хрисолору говорят, например, такие факты. Когда при подготовке правильного текста произведений Цицерона Салютати встречал греческие выражения, он обращался именно к Хрисолору²⁵. Его же Колуччо просил объяснить ему греческие аспиранты. И действительно, Хрисолор прислал ему целый трактат о придыханиях²⁶.

Никколо Никколи родился в 1363 г. во Флоренции; первоначально его обучали торговому делу, но после смерти отца он целиком и полностью отдался науке. В молодости он вместе с Роберто Росси был учеником монаха-августинца Луиджи Марсили в монастыре Святого духа. Никколо

¹⁸ Cammelli, I, 59, not., 1.

¹⁹ Vespasiano — Frati, 3, 37.

²⁰ Gaspari, 2, S. 100.

²¹ Cammelli, I, 66, not. 2.

²² Ibid., 72 et not. 2.

²³ Müllner, S. 92 f.

²⁴ Ep. di Bruni, 2, 45.

²⁵ Vöigt, I, S. 213.

²⁶ Cammelli, I, 72 et not. 2.

Никколи был скорее близким другом, чем учеником Хрисолора. «Он лишь пригубил греческой литературы, но не испил ее» (*Graecam litteraturam libarat, non ebiberat*), — сказал о нем Филельфо в своей «Книге об изгнании» (*Liber de exilio*)²⁷. Будучи ревностным учеником на собеседованиях в *Convento degli Angeli* у Амброджо Траверсари, Никколо Никколи, энтузиаст изучения античных авторов, рукописи которых он тщательно собирал и копировал, превратил с течением времени свой дом в широко известное место встреч всех гуманистов. Особой достопримечательностью его дома была библиотека, насчитывавшая до 800 томов, которые он охотно предоставлял всем любителям древнегреческой и древнеримской литературы. Эту библиотеку он завещал сорока флорентийским гражданам, которые должны были заботиться, чтобы она была доступна широкой общественности. Козимо Медичи настоял на том, чтобы после смерти Никколи эта библиотека была передана в распоряжение монастыря св. Марка, где ею мог бы пользоваться каждый любитель знаний²⁸.

Размышляя в наши дни о первых попытках изучения греческого языка, предпринятых в Италии под руководством Мануила Хрисолора, и сознавая, что в Италии было мало предпосылок для столь сложных штудий и что там почти не было отечественных учебных пособий, мы, естественно, подходим к вопросу, как же ученики грека преодолевали все те трудности, которые возникали перед ними с первых шагов при занятиях совершенно чуждым им языком. Ведь надо было быстро овладеть греческой грамматикой и одновременно усвоить достаточное количество греческих слов, чтобы поскорее достигнуть понимания греческих текстов. Изучение начальных основ языка и перевод греческих текстов должны были идти рука об руку. В этом состояла задача, которую поставил себе Хрисолор. Как он ее разрешил, видно по сохранившимся сочинениям и письмам. Исключительно счастливым было то обстоятельство, что Хрисолор владел латинским языком, которым владела и все гуманисты. Правда, два латинских письма, написанные рукой Хрисолора, не свидетельствуют об особом изысканности стиля²⁹. Но, во всяком случае, он мог изъясняться на латинском языке, и это навело его на мысль изложить основы греческого языка латыни в форме вопросов и ответов. Так возникли его «Ἐρωτήματα» («Вопросы»). Некоторые предполагают, что Колуччо Салютаги, задавая вопросы, навел Хрисолора на мысль о создании «Ἐρωτήματα». Повод к такому предположению могли дать два письма Мануила, опубликованные Джованни Меркати в 1918 г.³⁰ Однако тогда не обратили внимания на то, что в конце XIII в., как упоминалось выше, Максим Плануд издал подобный же учебник в форме диалога под названием «Περὶ γραμματικῆς» («О грамматике»), а его ученик и друг Мануил Москопул избрал для своего сходного с вышеназванным учебника заглавие «Ἐρωτήματα γραμματικῆ» («Грамматические вопросы»). «Ἐρωτήματα» Димитрия Халкокондила, которые тоже не хотелось бы обойти молчанием, были созданы наподобие «Вопросов» Хрисолора и опубликованы в Милане в 1493 г. Списком «Ἐρωτήματα», который достал себе Уберто Дечембрио, пользовался его сын Пьер Кандидо для изучения греческого языка³¹. По такой же копии учился Гварино в Константинополе, в доме Хрисолора, а позже и Филельфо³². Сам Гварино составил краткий учебник греческого языка для

²⁷ Ibid., I, 73.

²⁸ *Vespasiano — Frati*, 3, 87 sq.

²⁹ *Sabbadini. L'Ultimo Ventennio*, 10.

³⁰ *Cammelli*, p. 85 et not 3; 182 not. 1.

³¹ Ibid., I, 84.

³² *Sabbadini. Le scoperte*, p. 117.

начинающих, который посвятил Франческо Барбаро. Руководство, составленное Хрисолором, Гварино переработал, расширив его для более успевающих учеников. Этот дополненный учебник был издан в 1483 г. в Венеции с латинским переводом. Год спустя «*Ερωτήματα*» Хрисолора появились во Флоренции и Венеции (впрочем, после первого издания в Виченце), в 1507 г. — в Париже, два года спустя — в Ферраре вместе с биографией Хрисолора, написанной Понтико Веруньо; в 1512 и 1517 гг. вышли еще два издания в Венеции³³.

V

Гуманисты — переводчики

О том, что итальянские гуманисты стремились как можно быстрее научиться понимать греческие рукописи, ясно свидетельствует оживленная переводческая деятельность учеников Хрисолора, который поощрял своих учеников заниматься переводами и неустанно сам переводил для них греческих авторов на латинский язык. Таким образом они хотели, через переводы, сделать греческую литературу доступной интересующимся ею современникам. Случайные переводы в Сицилии и в Неаполе, а также сделанные с арабского латинские переводы, например, трудов Аристотеля и даже перевод его «*Этики*», сделанный Робертом Грейтхедом, епископом Линкольнским, были известны лишь ограниченному кругу читателей³⁴.

Больше всего пока переводили Плутарха. Первыми его переводчиками были Гварино в Венеции и оба его ученика, Франческо Барбаро и Леонардо Джустиньяни; во Флоренции — Леонардо Бруни и Якопо д'Анджело, позже Франческо Филельфо и его ученик Лапо ди Кастильонкьо.

Джованни Гварино, родившийся в декабре 1370 г. в Вероне и умерший 4 декабря 1460 г. в Ферраре, был в Константинополе учеником Мануила Хрисолора, а после своего возвращения (в 1410 г.) преподавал греческий язык во Флоренции (до 1414 г.), затем в Венеции (около 1416 г.) и в Падуе, с 1420 г. в Вероне, один год в Болонье, а в 1429 г. переехал в Феррару, став воспитателем принцев при дворе герцога Феррарского³⁵ и одновременно преподавателем поэтики в Феррарском университете. В 1438 и 1439 гг. он был переводчиком на соборе в Ферраре и во Флоренции. Джованни Гварино был больше учителем, чем исследователем. Один из наиболее прилежных гуманистов, он написал латинскую и греческую грамматику, комментировал латинских авторов и пытался осуществить критические издания Ливия, Плавта, Катутла и Плиния Старшего. Но сейчас нас особенно интересует его переводческая деятельность. Он сам перевел по меньшей мере десять жизнеописаний Плутарха, а также приписываемый Плутарху трактат «*Περὶ παιδῶν ἀγωγῆς*». Он побудил и Леонардо Джустиньяни перевести «*Фокиона*», что тот и сделал во время своей службы в качестве судьи во Фриуле, после того как он сам раньше перевел «*Кимона*», а затем «*Лукулла*». Франческо Барбаро, ученик Гварино, перевел на латинский язык «*Аристида*» и «*Катона*» Плутарха. Дословные, буквальные переводы, когда-то сделанные с педагогической целью самим Хрисолором, теперь уже никого не удовлетворяли. Да и сам

³³ Sabbadini. Il metodo, p. 17.

³⁴ Sabbadini. Le scoperte, p. 124, 132—135.

³⁵ Giulio Bertoni, p. 59. О Гварино все необходимое сказал Саббадини в своей «*Vita di Guarino Veronese*». Genova, 1891, а до него уже Росмини в «*Vita e disciplina di Guarino*». Brescia, 1805—1806.

этот умный методист, хотя и перевел дословно «Государство» Платона для своего ученика Уберто Дечембрио, но в то же время рекомендовал ему сделать перевод в более свободной форме, на лучшем латинском языке. Это уже было поощрением такого метода переводов, который способствовал созданию действительно легко читаемого текста. Короче говоря, Хрисолор рекомендовал «*transfere ad sententiam*» (переводить по смыслу) и тем самым стал основателем современного метода перевода; ему следовали все гуманисты в своей переводческой работе. Так, беря пример с Хрисолора, этот метод явно усвоил Ченчо де Рустичи³⁶. Бруни тоже особо подчеркивает, что, пытаясь придать переводам диалогов Платона «Федон», «Критон» и «Горгий», а также «Апологии» и письмам хорошую латинскую форму, он работал по методу, выработанному Хрисолором³⁷.

VI

Методы работы гуманистов

При изучении штудий гуманистов из области античной культуры на рубеже XV в., особого внимания заслуживает одно явление, весьма характерное для того времени, а именно, научный диспут.

О том, как оценивали этот метод научной работы сами гуманисты, мы можем узнать из одного диалога («*Dialogi ad Petrum Histrum*») Леонардо Бруни³⁸. Устами гуманиста Колуччо Салютати автор рассказывает о том, что он с ранней юности привык к диспутам и что этому методу он охотно следует в любом возрасте для расширения своего кругозора. Никколи тоже отмечает положительное значение таких диспутов, с которыми он познакомился с тех пор, как стал общаться с учеными в доме Луиджи Марсили. Никколи особо подчеркивает, насколько ценны были в этом отношении преподавание и пример Хрисолора, поддерживавшие в нем склонность к подобным диспутам³⁹. О связи диспутов с методом преподавания Хрисолора говорит и Бруни. Следует, однако, строго отличать, как это отмечают и сами гуманисты, рассказывая о своем греческом преподавателе⁴⁰, собственно лекции от связанных с ними диспутов. Последние, собственно, напоминают, конечно с рядом оговорок, современные семинарские занятия.

В письме к своему ученику Леонелло д'Эсте⁴¹ Гварино сообщает еще о некоторых ценных особенностях в методе преподавания Хрисолора: это определенные правила, которым нужно следовать как в учении, так и в преподавании. Саббадини так сформулировал эти правила в своей книге «*La scuola e gli studi di Giugino Veronese*» на стр. 34 и след.:

«Когда читаешь, не бормочи слова под нос, а произноси их громким голосом. Кроме того, что это помогает пищеварению, это способствует лучшему запечатлению мыслей в сознании. Прочтя предложение, суммируй в уме его содержание. Если ты не уловил его с первого раза, перечти предложение еще и еще раз и подражай в этом своим охотничьим собакам, которые, почуяв дичь на жнивье, но не будучи в состоянии поднять ее, все возвращаются и возвращаются на свои следы. Когда закончишь главу, остановись немного и рекапитулируй все; однако такое резюме не должно быть буквальным, наоборот, — ты обратишь внимание на смысл. Бук-

³⁶ Cammelli, I, 90, not. 2.

³⁷ Ep. di Bruni, I, 17.

³⁸ Cammelli, I, 93 sq.

³⁹ Ibid., I, 73 et not.

⁴⁰ Ibid., I, 93 sq.

⁴¹ Ep. di Guarino, 2, p. 269.

важно же ты говоришь только наиболее выдающиеся места, вроде изящной фразы, хорошего анекдота, остроумной реплики. Затем выбери один день в месяце, чтобы вновь просмотреть все эти места... не забывая никогда отмечать в тетради главные сведения, которые ты постепенно приобретаешь при чтении, и располагай их в порядке, соответственно классифицируя». Гварино отмечает, что такие указания он получил от Мануила Хрисолора.

Эти правила легли в основу целой школы: им следовал Гварино; он постоянно рекомендовал их своему ученику, Леонелло д'Эсте в Ферраре; его сын Баттиста повторил их четверть века спустя, в феврале 1459 г., в Вероне для себя и для любознательных потомков в своих записках «О способе и порядке обучения и усвоения» (*De modo et ordine docendi et discendi*). Они давно уже стали общим достоянием всех учащихся; в 1796 г. их воспроизвел, как было уже упомянуто, в своей книге Ремижью Саббадини, а в 1941 г. Джузеппе Каммелли приводил их на видном месте в своем труде «*Manuale Chryzoloras*». Не могут они не быть упомянуты и в данной работе.

VII

Политический фон

31 октября 1399 г. Флорентийская республика разрешила Мануилу Хрисолору покинуть Флоренцию, когда он сам этого пожелает; он только обязан сообщить Синьории о дне своего отъезда. Причиной этого разрешения была якобы вспыхнувшая во Флоренции эпидемия чумы. Как мы знаем, Хрисолор в конце 1399 г. пребывал в загородной вилле Палла Строцци. Лишь 10 марта следующего года он навсегда покинул Флоренцию, после того как за день до своего отъезда лично сообщил местным приорах о своем намерении уехать. Действительной причиной его отъезда была не чума, а поездка византийского императора Мануила II Палеолога, который направился в Европу лично просить у европейских венценосцев помощи в борьбе против турок. Император выехал 10 декабря 1399 г. из Константинополя, на венецианских галерах прибыл в Венецию, а оттуда, через Падую и Виченцу, в Павию, где тоже свирепствовала чума и где поэтому был закрыт университет. Здесь Хрисолор встретился с императором, с которым, возможно, герцог Джан Галеаццо Миланский уже беседовал о своем намерении привлечь Хрисолора к своему двору. Об этом свидетельствует письмо Верджеро из Падуи, адресованное Хрисолору в 1400 г.⁴² Во всяком случае Хрисолор преподавал греческий язык и в Павии, как об этом сообщает Пьер Кандидо Дечембрио в посвящении Гуморреду, герцогу Глостерскому, перевода «Государства» Платона, сделанного отцом Кандидо с помощью Хрисолора⁴³. Правда, университетские занятия были еще в 1398—1399 гг. перенесены в Пьяченцу, откуда университет вернулся в Павию лишь в 1403 г., но в Павии остались преподавать несколько профессоров, как например, Стефано Барбьери, Гаспарино Баризца, Марсильо ди Санта София и Бальдо дельи Убальди. Поэтому не удивительно, что и Хрисолор преподавал в Павии, а также иногда в Милане⁴⁴. Кроме того, он был на службе у византийского императора.

Герцог Джан Галеаццо содействовал также и политической миссии Хрисолора. 20 февраля 1402 г. он направил из Павии рекомендацию ми-

⁴² Ep. di Vergerio, 2, p. 239.

⁴³ Cammelli, I, 116 et not. 1.

⁴⁴ Ibid., I, 118, not. 1.

ланским светским и духовным властям о поддержке всех шагов, предпринимаемых греческим уполномоченным и направленными на оказание помощи в отражении турецкой опасности⁴⁵. Однако, везде проявляли много интереса к греческой культуре, но мало склонности — к большим жертвам ради греков. В конце концов, это понял, к своему большому огорчению, и император Мануил II.

Неужели купцы и банкиры западных стран действительно не были заинтересованы в предотвращении турецкой опасности? Венецианцам, как уже было упомянуто, конечно, хотелось сохранить торговые связи с Левантом. Но они были озабочены быстрым ростом, причем без их помощи, промышленности и торговой мощи Византии и понимали, что причиной роста византийского могущества было расширение византийской торговли за пределы северной и восточной границ империи, а там они не могли по-настоящему конкурировать с византийцами. Надо учесть также, что как раз в этот период связи Константинополя с Западом все больше отдалялись от традиционных торговых путей. Византия давно уже была связана с Центральной и Северной Европой через Сирмию* и долину Дуная. Таким образом усиливался разрыв между Восточным и Западным Римом и в экономическом отношении⁴⁶.

Недоверие византийцев к латинянам существовало с давних времен. Морское пиратство генуэзских купцов в восточной части Средиземного моря, вызывающее поведение венецианцев на Востоке, зверства латинян — завоевателей Константинополя, создание Латинской империи на территории, подвластной византийской короне, ни в коем случае не могли расположить к ним византийцев. Как известно, венецианцы объединились с сарацинами, бывшими до тех пор их торговыми конкурентами и политическими противниками, для отпора новому общему врагу. Они объединились после того, как Васко да Гама обогнул южный мыс Африки и португальцы таким образом появились в Индии, а затем и на Леванте в качестве новых торговых конкурентов.

Мы не знаем, получил ли император Мануил II ясное представление о современном ему политическом и экономическом положении, когда он после неудачных переговоров в Париже и Лондоне приехал 22 января 1403 г. в Геную, где был дан бал в его честь, но ему не на радость. В Венеции он появился в конце марта, а в начале апреля поехал дальше. В середине этого месяца он был в Дубровнике. Отсюда его сопровождал Мануил Хрисолор, возвращавшийся в Константинополь. Венецианские и генуэзские галеры доставили императора с его свитой обратно в Византию.

VIII

У источника

К моменту отъезда Мануила Хрисолора из Венеции там находился и Гварино Веронезе⁴⁷. Он познакомился с ученым еще в его первый приезд в Венецию, когда тот был там вместе с Димитрием Кидонисом⁴⁸. А теперь он решил последовать за почтенным ученым греком на его родину, тем более, что его покровитель, венецианский патриций Паоло Дзане, не

⁴⁵ Ibid., I, 120 et not. 1.

* Ныне г. Митровица. — *Ред.*

⁴⁶ Tuillier, in: «La Pensée», № 66, 1956, p. 145 sq.; к последующему ср.: Doge n. I, p. 689 sq.

⁴⁷ Cammelli, I, 131.

⁴⁸ Ibid., I, 132.

только поощрял его советом, но и щедро субсидировал⁴⁹. Гварино был первым итальянцем, предпринявшим такое путешествие со специальной целью изучения языка непосредственно в самой Греции. Он имел счастье быть принятым в доме Хрисолора, своего любимого учителя. И он неустанно восхвалял знаменитого грека, как мудрого, доброго, а также и по внешности привлекательного ученого. Он говорил, что «этот человек послан на землю с небес» (*dicere missum e caelo in terram hominem*) — до такой неумеренности доходил Гварино в своем восторге⁵⁰. Даже много позже Гварино с неподдельным восхищением вспоминал о своих впечатлениях во время этой поездки. Он писал: «Когда, в молодые годы, я жил в Константинополе при Мануиле Хрисолоре, знаменитом философе, и его племяннике Иоанне, моих любезнейших наставниках, и когда я, одолев первоначальные основы, перешел к более высокой ступени обучения, я стал примечать говор детей и женщин. Я наслаждался им, в то же время, я дивился легкой плавности и приятному звучанию языка, придыханиям в словах, соблюдению правил ударений, изменениям падежей, временам глаголов, композиции двух или трех имен в одно — новое, но восхитительное по мягкости. Такое впечатление производила эта, впитанная на практике от родителей и окружающих земляков форма речи, лишенной нормы»⁵¹.

Между тем, по поручению императора Мануил Хрисолор снова побывал в Италии, а также во Франции, Англии и Испании.

IX

Перед новыми задачами

К середине мая 1410 г. Мануил Хрисолор прибыл по приглашению папы Александра V в Болонью, где, уже после смерти этого папы (в первую неделю мая 1410 г.), он остался в качестве гостя его преемника — папы Иоанна XXIII. Когда Иоанн XXIII в апреле 1411 г. покинул Болонью, Хрисолор последовал за ним в Рим: папа уговорил его остаться там. В Риме учеником Хрисолора стал секретарь папы Ченчо ди Паоло де Рустичи.

Известный гуманист Джан Франческо Поджо Браччолини (который, между прочим, перевел «Киропедию» Ксенофонта) изображает себя (в своих диалогах о скупости) — вместе с Ченчо и с другим папским секретарем, неутомимым Антонио Лоски (всячески использовавшимся папской курией из-за его цицероновского красноречия) — гостем в винограднике близ Латерана у богатого папского фамильярия, Бартоломео Аррагацци да Монтепульчано (тоже ученика Хрисолора).

Из Рима Хрисолор послал Гварино, преподававшему с 1408 г. греческий язык во Флоренции, копию «Сравнения старого и нового Рима» («*Σύγκρισις τῆς παλαιᾶς καὶ νέας Ῥώμης*»), написанного им в форме письма к Палеологу⁵². Следует обратить внимание на следующий отрывок из ответа Гварино от 6 октября 1411 г., в котором выражена бла-

⁴⁹ Ep. di Guarino, 2, 377.

⁵⁰ Ibid., 2, 583.

⁵¹ Cum iuvenilibus annis sub Manuele Chrysolora illustri philosopho et eius nepote Joanne praeceptoribus amantissimis Constantinopolim incolebam et post prima deposita rudimenta pleniore gradu discendo peragerem, infantes quosdam mulieresque loquentes annotabam; delectabar simulque mirabar linguae volubilitatem et suavem vocis sonum, adspirata ab illis vocabula, servatas accentuum normas, casuum mutationes, verborum tempora, duorum triumve nominum in unum compositionem, quamvis novam, dulcedine tamen admirabili; tantum poterat absorpta a parentibus et conterraneis per usum forma loquendi absque norma» (Ep. di Guarino, 2, 509).

⁵² Voigt, 2, S. 25.

годарность итальянского гуманиста любимому греческому ученому за его преподавательскую деятельность: «Вершине твоих бессмертных благодарностей (славу за них ты заслужил, — если только мы не хотим быть неблагодарными! — и от италийской нации, и от всего сословия литераторов) недостает лишь одного: чтобы ты, который всегда был начинателем и поборником распространения у нас греческой литературы, прославил также ее родительницу и метрополию, осветив ее своими писаниями. Тогда легче поняли бы мы и особенно возрадовались тому, что обязаны величайшей благодарностью не ничтожнейшему городу, но городу божественного достоинства и первому — тебе, который просветил свергнутых некогда в глубочайший мрак италийцев, приблизив к ним как бы светильник солнца»⁵³.

Хрисолор покинул Рим вместе с папским двором, который в середине 1413 г. переехал на несколько месяцев во Флоренцию, где Хрисолор встретился со многими знакомыми, в том числе и с Гварино, уехавшим оттуда лишь в июле 1414 г.

X

Хрисолор в Констанце

6 декабря 1413 г. папа Иоанн XXIII оповестил буллой о созыве собора в Констанце 1 ноября 1414 г. После приблизительно двухмесячного пребывания во Флоренции Хрисолор присоединился в Болонье к свите папы для путешествия в Констанцу. Там он встретился с Гварино, который в середине июля 1414 г. покинул Флоренцию, дабы отправиться через Болонью в Венецию, и Хрисолор решил сопровождать туда своего друга. Об их совместной поездке в Венецию имеется интересное сообщение самого Гварино в его «*Commentarioli*».

По реке По от Феррары до Адриатического моря поездка прошла без происшествий, несмотря на довольно сильное волнение на реке, но на Адриатике на коротком пути от устья По до Венеции некоторые заболели морской болезнью, хотя море было совершенно спокойно. Хрисолор так объяснил это странное явление: во время поездки по реке путешественники вдыхали свежий и приятный воздух; это резко изменилось, когда пришлось дышать морским воздухом, что в сочетании с известной боязливостью, охватывающей людей во время непривычных условий на море, якобы и вызывает ощущение недомогания. «Это волнение раздражает тело, раскачивает его и приводит в беспорядок; особенно это бывает у тех, кто менее привычен и является новичком. Ведь гласит же греческая пословица «συνήθεια δευτέρα φύσις — привычка вторая натура!»⁵⁴.

Из Венеции Хрисолор вернулся в Болонью, а оттуда он отправился, как уже было сказано, вместе с папской курией в Констанцу по пути, которым несколько позже, к концу ноября 1414 г., прошел и Бруни, о чем он подробно и интересно сообщает в одном из своих писем⁵⁵.

В Констанцу Хрисолор прибыл 28 октября 1414 г. Там он принимал деятельное участие как «*Orator papae*» в переговорах о воссоединении греческой церкви с римской.

⁵³ «*Deerat hoc solum tuorum immortalium beneficiorum cumulo quibus optime de Italiae natione immo vero de cuncto litterarum ordine, nisi ingratisissimi esse velimus, meruisti, ut qui Graecarum litterarum ad nostrates reportandarum princeps auctorque fuisti, earum etiam parentem et μητρόπολιν celebrares et scriptis illustrares tuis, quo facilius intelligeremus et magno opere laetaremur quod maximas gratias non vilissimae urbi sed iugustae dignitatis civitati debeamus, tibi vero in primis, qui altissimis dudum demersos tenebris Italos admota demum veluti solis lampade illuminasti*» (Ep. di Guarino, I, 21).

⁵⁴ C a m e l l i, I, 164, not 1.

⁵⁵ Ep. di Bruni, 4, 102 sq.

В Констанце его радовали глубокое уважение, почет, оказываемый ему со стороны всех делегатов, присутствовавших на соборе. Но это удовлетворение продолжалось недолго. Хрисолор, правда, перенес зиму 1414-1415 г. довольно сносно, но тяготы, которые пришлось ему, хотя и привыкшему к путешествиям, перенести еще на пути в Констанцу, то напряжение, в котором он находился в Констанце, все же оказались свыше сил почти 65-летнего ученого. 16 апреля 1415 г. он внезапно скончался в Констанце в самом разгаре переговоров, в которых он принимал столь деятельное участие. Его похоронили в капелле церкви доминиканского монастыря в Констанце. Друзья и ученики были глубоко опечалены его кончиною.

Пьетро Верджеро еще из Констанцы обратился к Гварино с предложением создать сочинение в память об усопшем. В ответном письме из Венеции от 26 августа 1415 г. Гварино писал, что он не чувствует себя достаточно способным для выполнения столь трудной задачи; сделать это должен сам Верджеро: «... Ты убеждаешь, чтобы я не допустил исчезновения из памяти смертных образа нашего общего наставника, человека достойного бессмертия. Признаюсь, я онемел и, пораженный, стал думать о том, какое жестокое бремя налагаешь ты на слабые плечи. Ведь всякий раз, когда Мануил Хрисолор — настоящий «богоданный свет» — приходит на ум, разве и тебе не кажется, что он требует великого и весьма красноречивого оратора. Тебя призывает этот труд»⁵⁶.

Гварино все же, видимо, мучила мысль, что никто не пытался сказать о Хрисолоре что-нибудь достойное его памяти. Поэтому в 1416 г. он написал Фабрису, что намерен составить жизнеописание Хрисолора⁵⁷. При этом он добавляет: «Впрочем, я склоняюсь перед обширностью того, что надлежит сказать, под тяжестью этих вещей».

В конце концов Гварино и его друзья нашли средство, чтобы сохранить для потомства память об их учителе, которого они так восторженно восхваляли: они решили издать сборник писем и воспоминаний под названием «Хрисолорина». Этот сборник интересен скорее как образец риторического произведения, чем с биографической стороны.

Следует отметить, что Гварино в память о Хрисолоре назвал своего четвертого сына именем учителя — Мануилом.

XI

Значение деятельности Мануила Хрисолора

Мануил Хрисолор был в первую очередь преподавателем, а не писателем. В области литературы он составил лишь «*Ἐρωτήματα*», к которым было приложено сочинение о придыханиях, осуществил дословный перевод «Государства» Платона и написал «*Σύγγραμματα*» (см. выше). И все же еще вопрос, правильно ли угадал Паоло Джовио существо дела, когда он говорит на стр. 41 своей «*Elogia virorum literis illustrium*» («Похвала мужам, славным в литературе»): «Он (Хрисолор. — Г. Х.) никогда не устал учить, но легко мог показаться бездействующим как писатель»^{57a}.

⁵⁶ «*Mones ut communem praeceptorem et immortalitate dignum hominem ex mortalium memoria perire non sinerem. Obmutui fateor stupensque mecum versari coepi quam ardua quamque minime φορητά imbecillibus imponas humeris. Nam quotiens Manuel Chrysoloras vere ἰσόθεος φώς venit in mentem, nonne et ille tibi magnum quempiam et eloquentissimum expetere oratorem videtur? — Те vocat iste labor» (ibid., I, 114). Этот отрывок из письма может служить примером того, как охотно теперь влетали гуманисты в свои латинские тексты греческие выражения.*

⁵⁷ Ep. di Guarino, I, 73 sq.

^{57a} «*In docendo enim numquam fessus facile in scribundo desidiosus videri poterat.*

Скорее можно согласиться с Андреа Джульяни, который заявляет: «Он был вырван из нашей среды в такое время, когда добрым искусством, лучшими дисциплинами, как греческими, так и нашими, он мог быть немало полезен: потому что, лишь только он освобождался от тех забот, которым отдавался всей душой, все рвение и весь досуг он употреблял на дело писания»⁵⁸.

Но, конечно, главное значение Хрисолора заключается в его деятельности как преподавателя греческого языка. Он сумел в довольно короткий срок побудить итальянских гуманистов к основательному изучению греческого языка и литературы. Именно этим он значительно оживил изучение всей античной культуры в Италии. Теперь итальянские гуманисты, достигнув более высокой ступени образованности, могли с более глубоким пониманием обратиться к тем античным авторам, дух которых в течение долгого времени так плодотворно воздействовал на итальянский Ренессанс. Это воздействие первого заслуживающего внимания учителя греческого языка в Италии признали и правильно оценили его ученики и друзья, гуманисты того времени. Лучшим доказательством длительного влияния педагогической деятельности Хрисолора является подъем литературного творчества в Италии, а также продолжение изучения греческого языка и литературы во все большее количество новых школ с привлечением новых и новых учителей, прилежное переписывание греческих рукописей и, наконец, появление во все возрастающем числе переводов греческих авторов. Греки, приехавшие в Италию позднее, нашли там почву — и (они сами открыто это признали) вполне готовую для посева, возобновить который они чувствовали себя призванными. Так, Иоанн Ласкарис писал в своей грамматике: «Мудрый Мануил Хрисолор, насадивший и преподавший в Италии греческие знания» («Ὁ σοφὸς Μανουήλας ὁ Χρυσολωρᾶς ὁ φυτεύσας καὶ διδάξας ἐν Ἰταλίᾳ τὰ ἑλληνικά»).

Несколько слов о судьбе библиотеки, принадлежавшей Хрисолору. Греческий ученый оставил ее на сохранение у Палла Строцци, а четвертую ее часть завещал Ченчо де Рустичи. Несколько книг купил сам Палла в 1424 г.: таково свидетельство Траверсари, который сам не успел этого сделать, когда на возможность покупки указал ему Леонардо Джустиньяни⁵⁹. Филельфо сообщает, что перед своим отъездом в Константинополь Мануил Хрисолор оставил будто бы свои книги и некоторую сумму денег у Козимо Медичи, а последний, когда Иоанн Хрисолор после смерти своего дядя потребовал и то и другое, оставил себе деньги, а книги передал Никколи. Некоторые рукописи Хрисолора Амброджо Траверсари, возможно, получил от Пьера Дечембрио Кандидо, которому они, вероятно, достались от его отца Уберто; последнему же они были подарены Хрисолором⁶⁰.

ХII

Греческие занятия гуманистов под руководством Иоанна Аргиропула

Стремление глубже изучить греческий язык и культуру не угасло в среде итальянских гуманистов со смертью Мануила Хрисолора, наоборот, тем больше усиливалось, чем меньше было возможности его удовле-

⁵⁸ «Ea enim aetate nobis ereptus est qua bonis artibus, optimis disciplinis, et Graecis et nostris, haud parum prodesse poterat: nam ut primum ab iis se curis quas toto animo conceperat, solvisset, annem ad scribendi studium operam atque otium contulisset» (Cammelli, I, 184 et not. 1).

⁵⁹ Cammelli, I, 184 et not. 4.

⁶⁰ Ibid., I, 185.

творить. Палла Строцци жил с 1435 г. в изгнании в Падуе, а возвращение в 1434 г. Медичи заставило и Франческо Филельфо покинуть Флоренцию; тем самым Флорентийский университет понес существенный ущерб в преподавании греческого языка.

В 1447 г. умер Никколи, а еще в 1439 г. — Амброджо Траверсари. Странствующий учитель греческого языка Георгий Трапезундский, который в 1439 г. во время Флорентийского собора служил секретарем папы Евгения IV, уже ушел из Флоренции и, гонимый внутренним беспокойством, жил то в Риме, то в Венеции, то в Неаполе, то на Крите, то в Константинополе, то опять в Риме. Самый ревностный ученик Мануила Хрисолора, Леонардо Бруни, умер в 1444 г., Джиданотти Манетти, который исключительно хорошо владел греческим, переселился в 1453 г. в Рим, чтобы служить там папе Николаю V. Такие люди, как Кристофоро Ландино, братья Пьетро и Донато Аччайюоли, Марсилио Фичино и Анджело Полициано, страстно ожидали нового подъема греческих занятий, возлагая большие надежды на тех греков, которые в последние годы существования Византийской империи и особенно после падения Константинополя эмигрировали в Италию. И надо сказать, что действительно, многие из этих греков сыграли благотворную роль в развитии итальянского гуманизма. Среди них следует особо упомянуть Аргиропула. Он родился около 1415 г. в Константинополе. В Италию он приехал в феврале 1438 г. со свитой императора Иоанна VIII Палеолога и константинопольского патриарха Иосифа, приглашенных папой Евгением IV для участия в соборе, который, как мы уже знаем, не привел к действительному объединению обеих церквей⁶¹.

Аргиропул некоторое время преподавал вместе с Андроником Каллистом греческий язык в доме Палла Строцци в Падуе. В 1444 г. после успешных занятий в Падуанском университете он получил докторскую степень. Позднее Аргиропул наряду с преподавательской деятельностью (его учеником, среди других, был Михаил Апостолис) принимал (в отличие от большинства итальянских гуманистов⁶²) активное участие, как в Константинополе, так и в Италии, в борьбе за унию. В специальном «Послании» («*Авафорά*») к папе Николаю V Аргиропул заявил о своем переходе в римско-католическую веру.

При завоевании Константинополя турками Аргиропул потерял все свое имущество и некоторых родственников, которых смог выкупить из турецкого плена лишь три года спустя. Когда он в 1454 г. появился как беженец

⁶¹ Но само появление византийского императора и его пышной свиты на соборных торжествах произвело, надо думать, на флорентийцев необыкновенно сильное впечатление. Во всяком случае художник Бенотто ди Лезе, прозванный Бенотто Гоццолли (род. во Флоренции в 1420 г., ум. там же в 1498 г.) вдохновлялся юношескими воспоминаниями, когда изображал шествие волхвов на фоне флорентийского пейзажа (фрески в капелле палатцо Риккарди во Флоренции, написанные в 1459—1460 гг. для Пьеро Медичи). Образы здесь несколько напоминают современников собора 1439 г. На стене, слева от алтаря, можно узнать в едущем на муле, в окружении монахов, умершего во Флоренции патриарха Иосифа; на третьей стене, во втором волхве — византийского императора Иоанна VIII Палеолога на белом коне, в длинной зеленой одежде, в золотой короне поверх головного убора; в одном из людей среди спускающейся с горы толпы — самого художника Бенотто («*Mostra Medicea. Palazzo Medici*», Firenze, 1939, p. 103).

⁶² В общем итальянские гуманисты старались держаться подальше от догматических споров с церковниками обоих направлений. Они принимали участие в переговорах об унии только в качестве переводчиков и стилистов. Почти все они были внутренне чужды церкви. Известно, что «церковь привлекала к сотрудничеству со своими теологами и канонистами также и приверженцев античности, но они в большинстве своем были и оставались наполовину или целиком язычниками; от церкви они получали лишь службу и хлеб, отдавая за это свое перо, но не сердце» (см. Voigt, 2, 1 f.).

в Италии, он прежде всего отправился через Венецию в Падую к Палла Строцци, где ему была оказана помощь: Палла Строцци рекомендовал использовать грека как преподавателя во Флорентийском университете, и Донато Аччайюоли действительно его там устроил.

Но раньше, чем начать там свою педагогическую деятельность, Аргиропул должен был выполнить одну политическую миссию — обратиться к западноевропейским державам с просьбой об оказании помощи грекам в их дальнейшей борьбе против турок; одновременно он надеялся добиться содействия в своих усилиях выкупить родных из турецкого плена. Из Рима, где кардинал Виссарион охотно взял под свое покровительство его сыновей, он через Флоренцию (там он дал определенное согласие флорентийским гуманистам преподавать в местной академии) отправился в Милан, где его радушно встретил герцог Франческо Сфорца. В прекрасных отношениях он был и с сыном герцога Миланского, Галеаццо Мариа, который впоследствии гостеприимно принял у себя в доме сына Аргиропула, Исаака, ставшего позднее музыкантом и мастером музыкальных инструментов в Миланском герцогстве.

Получив рекомендации от герцога Франческо Сфорца, Аргиропул отправился в конце мая 1456 г. во Францию. В середине июля 1456 г. он был в Англии. О том, что в те времена страны Запада не имели особого желания принести действительные жертвы в пользу греков, нам уже известно. Но своих родственников Аргиропулу, по-видимому, все же удалось выкупить. Во всяком случае, из одного постановления флорентийской синьории от 21 октября 1466 г. мы узнаем, что Аргиропул, утвержденный на дальнейшие пять лет в должности преподавателя греческого языка, получил теперь для себя и для своих родных, с которыми он уже жил во Флоренции около девяти лет, право римского гражданства⁶³.

Аргиропул вернулся во Флоренцию, самое позднее, 4 февраля 1457 г. В этот день он читал свою вступительную лекцию о «Никомаховой этике» Аристотеля. Следовательно, он был последователем Аристотеля, а в Италии действительно были гуманисты, которые живо интересовались этим автором. Перевод Бруни «Никомаховой этики» был уже сделан. Упомянутый выше Джанноцци Манетти тоже переводил «Никомахову этику» и до той поры еще не переведенную «Эвдемову этику» («Ethica ad Eudemum»). Филельфо перевел «Риторику» Аристотеля. Палла Строцци выписал из Константинополя первый экземпляр «Политики» Аристотеля, первый перевод которой сделал Леонардо Бруни⁶⁴. Следует отметить, что в своей первой же лекции Аргиропул не преминул похвалить перевод Бруни, этого ревностного ученика Хрисолора, как бы устанавливая таким образом свою связь с первым учителем греческого языка во Флоренции.

Все лекции по этике Аргиропула были опубликованы с пояснениями Донато Аччайюоли в 1465 г., в Венеции.

Учениками Аргиропула были, среди других, Лоренцо Медичи, Якопо д'Анджело, Филельфо, а затем, по рекомендации Филельфо, один из любимейших учеников Аргиропула (до 1463 г., когда он был изгнан), Франческо ди Лоренцо Филарета, герольд синьории, Веспасиано да Бистиччи, Пьеро и Донато Аччайюоли, и, наконец, Бартоломмео Сакки да Пьядена, или Кремонеца (потому что Пьядена находится близ Кремоны), по прозванию Платина. Бартоломмео Сакки специально приехал из Мантуи во Флоренцию в 1457 г., чтобы Аргиропул ввел его в изучение греческого языка. Он отказался от путешествия в Грецию, только чтобы не упустить

⁶³ Cammelli, 2, 84 et not. 1.

⁶⁴ Voigt, 2, S. 169.

возможности послушать Аргиропула, и действительно остался во Флоренции до 1461 г. Из его переписки с Лодовико Гонзага мы ясно видим, с каким рвением и терпением он изучает греческий язык. Поэтому не удивительно, что занимаясь так глубоко и основательно, Платина впоследствии сам стал преподавателем греческого языка. Так, в 1460 г. он обучил греческому языку гуманиста Марсилио Фичино. Последний стал преподавателем исключительно одаренного Анджело Полициано, который, еще будучи юношей, в 1469 г., начал переводить «Илиаду», продолжая труд Марсупини, когда Аргиропул, бывший еще во Флоренции, ввел его в курс философии. Полициано отзываясь об Аргиропуле, например, в своих «Miscellanea», с исключительным уважением. Я процитирую здесь особенно достойное внимания высказывание: «Этот Аргиропул, византиец, некогда бывший менее всего наблюдательным в отношении латинской литературы, стал теперь учнейшим в премудрости декретов и всех тех дисциплин, которые Марцианом называются циклическими»⁶⁵.

Когда в 1457 и 1465 гг. во Флоренции была чума, Донато Аччайюоли переселился со своей семьей в Вальдипезе. Там он и его друзья нашли возможность продолжать слушать Аргиропула, для которого они устроили жилище поблизости⁶⁶ (вспомним, что точно так же поступил Палла Строцци с Мануилом Хрисолором во время чумы во Флоренции в 1399—1400 гг.).

Особого внимания достоин Франко Саккетти, проявивший большую щедрость по отношению к греческому ученому, которого он высоко ценил. Этот друг и энтузиаст гуманистических занятий дважды в год приглашал Аргиропула и его лучших слушателей к себе в дом на праздничный банкет для бесед об их занятиях и о различных случаях из их жизни. Его гостем был также и Веспасиано да Бистиччи, который рассказывает о такой встрече в своей «Жизни Франко Саккетти».

Как уже указывалось, Аргиропул был перипатетиком, но сумел свою исключительную любовь к Аристотелю сочетать с восхищением Платоном. Перипатетик Аргиропул восхваляет Аристотеля как ни с кем несравнимого, но в виде исключения ставит Платона непосредственно за ним: «Для божественного Платона всегда будет исключение» (*Plato divinus semper excipiens*), — говорит он, подобно Цицерону, который в своих «Тускуланских беседах» (X, 22) замечает: «Аристотель намного превосходит всех и умом, и усердием, но Платона я исключаю» (*Aristoteles longe omnibus, Platonem excipio, praestans et ingenio et diligentia*)⁶⁷.

Виссарий послал во Флоренцию два экземпляра своей речи в защиту Платона против Георгия Трапезундского «Против клеветника на Платона» (*In calumniatorem Platonis*), причем один экземпляр был предназначен для Марсилио Фичино, другой — лично для Аргиропула. Аргиропул поздравил кардинала в письме от 26 октября 1469 г. с его эффектной защитой Платона, за которую ему должны быть благодарны все латинские гуманисты. Фичино написал Виссарияну в том же духе. Но по существу Аргиропул все же оставался перипатетиком, и почти все его лекции были посвящены Стагириту. Он переводил на латинский язык произведения именно этого философа: «Категории», «Об истолковании», две его «Аналитики» и «О софистических доказательствах», затем «Физику слуха», «О небе» и «О душе», наконец, «Метафизику» и «Никомахову этику».

⁶⁵ «Argyropulos ille Byzantinus, olim literarum latinarum minime incuriosus tum sapientiae Decretorum disciplinarumque adeo cunctarum quae ciclicae a Martiano dicuntur, eruditissimus est habitus» (Cammelli, 2, 98, not. 4).

⁶⁶ Cammelli, 2, 105.

⁶⁷ Ibid., 2, 112, not. 2.

Даже Феодор Газа ставил переводы Аргиропула выше своих собственных. В одной из эпиграмм Джано Паннонио Аристотель благодарит своего переводчика и комментатора Аргиропула за то, что тот предоставил ему право латинского гражданства: «Приношу тебе великую благодарность за то, что из грека сделал ты меня италійцем и легким (для понимания), тогда как был я труден. Издавна мои сочинения были едва известны моим пелазгам, а вот теперь, под твоим водительством, они открылись латинским мужам!»⁶⁸.

Об уважении, которым пользовался Аргиропул во Флоренции и о его особо близких отношениях с домом Медичи говорится в письме Филельфо к Аргиропулу от 11 октября 1466 г., в котором отправитель просит Аргиропула замолвить за него несколько слов перед Пьеро Медичи. Он указывает, что Пьеро хорошо знает о том, что было ему (Филельфо) не раз обещано: οἶδε γὰρ καὶ αὐτὸς ἀκριβῶς ὅσον ἡμῖν πολλάκις ὑπεσχέθη⁶⁹.

Изыявление сочувствия по случаю смерти Бартоломео, одного из сыновей Аргиропула, последовавшей в 1469 г. в Риме, было одновременно чувством отца.

Из его четырех сыновей в живых остался только Исаак. Опечаленного отца влекло в Рим; Виссарион подготовил там почву для его приезда, а кардинал Франческо дельа Ровере (с 9 августа 1471 г. папа Сикст IV) тоже благосклонно относился к нему. К концу августа 1471 г. во Флоренцию уже прибыл его приемник, Андроник Каллист, которого Виссарион горячо рекомендовал Лоренцо Медичи. С самим Лоренцо Аргиропул сохранил дружескую переписку. Самое позднее, в октябре 1471 г. он был уже в Риме. Там он вскоре стал участником узкого кружка Виссариона — Виссарионовой академии (Academia Bessarionea). Он пользовался особым расположением самого папы, с которым вместе учился в Падуе. Положение преподавателей в Риме не было особенно благоприятным.

Папе Сиксту нужны были средства на ведение войны, поэтому вскоре распался Римский университет (Studio Romano), который стал вновь функционировать лишь при Льве X, в период расцвета Возрождения. Когда Виссарион, возвращаясь из Франции, умер в Равенне 18 ноября 1472 г., а Андроник Каллист решил отправиться в Милан к Галеаццо Сфорца, Аргиропул начал обдумывать возможность возвращения во Флоренцию. И вскоре действительно так и получилось. С 1477 по 1481 г. Аргиропул вновь преподает во Флорентийской академии. Там же преподавал тогда греческий язык и его соотечественник Димитрий Халкокондил, который проработал там до своего переезда в 1492 г. в Милан, где он и умер в 1511 г. Он обеспечил первое издание Гомера в 1488 г. во Флоренции, Исократа в 1493 г. в Милане и Свида в 1499 г. тоже в Милане. О взаимоотношениях между Халкокондилом и его земляком Аргиропулом во время их совместного пребывания во Флоренции нам ничего неизвестно.

Аргиропул и на этот раз не остался во Флоренции. Его беспокойный дух вновь заставил его вернуться в Рим. Там он читал публичные лекции. Интересно отметить, что Рейхлин и Меланхтон были его слушателями на лекциях о Фукидиде.

68

«Gratia magna tibi de grajo que faces ut sim
Italus, et facilis qui modo durus eram.
Vix bene nota meis, olim mea dicta, Pelasgis,
te duce nunc Latiis, en patuere, viris!»

(Ibid., 2, 118).

69 L e g r a n d, p. 125.

Единственное свидетельство о смерти Аргиропула сохранилось в своего рода списке усопших, о котором сообщает Джованни Меркати; согласно этому списку, он скончался 26 июня 1487 г.⁷⁰

Приблизительно, двадцать лет спустя умер его сын Исаак. К 1507 г. относится посвящение кардиналу Джованни Медичи, написанное Исааком в связи с изданием собрания сочинений Аристотеля в переводах Иоанна Аргиропула, Эрмолао Барбаро, Леонардо Бруни и Джорджо Валла. В предисловии к этому изданию Пьера Марси, обращенном к Вирджинию Орсини, указывается, что после смерти Иоанна Аргиропула его переводы были вновь изданы его сыном Исааком⁷¹.

ХIII

Несколько заключительных замечаний

На протяжении этих страниц не раз шла речь и о других греческих ученых, которые в XV в. побудили итальянских гуманистов изучать греческий язык. Наиболее значительные из них — Георгий Трапезундский, Феодор Газа, Димитрий Халкокондил, Георгий Хрисококк, Георгий Гемист Плифон, Константин Ласкарис, Георгий Схолярий (патриарх Геннадий), Андроник Каллист и кардинал Виссарион.

О значении для итальянского гуманизма Виссариона, наиболее убежденного защитника униатского движения и ревностного энтузиаста изучения Платона в Италии, хотелось бы сказать особо: ведь этот кардинал был ученым, страстное участие которого в тогдашних спорах о различии между Аристотелем и Платоном явилось решающим фактором в распространении изучения Платона и в углубленном ознакомлении с его философией. Это касается в первую очередь апологетического сочинения Виссариона «*In calumniatore Platonis*», направленного против Георгия Трапезундского, который довольно долго умел пользоваться щедростью добродушного папы Николая V в связи со своей обширной, но весьма несовершенной переводческой деятельностью, пока не была обнаружена легкомысленная произвольность его метода. Поводом к написанию этого сочинения Виссариона послужили инвективы Георгия в его «Сравнении философов Аристотеля и Платона»⁷². Конечно, полемическое сочинение Виссариона ни в коей мере не может считаться безупречным в научном отношении изложением платоновского учения: в нем чувствуются в сильной степени неоплатонические идеи; но все же эта работа важна как симптом новой внутренней ориентации тогдашних гуманистических кругов в сторону греческой культуры.

По инициативе Виссариона на средства василянских монахов (чей монастырь Гротта-Феррата Виссарион опекал в качестве аббата-коммендатория) в Мессине было создано учебное заведение, в котором в течение многих лет (с 1466 до 1501 г.) преподавал греческий язык Константин Ласкарис.

Хорошо сказано о Виссарионе в эпитафии, цитируемой у Р. Рохолля: «Твоими трудами Греция переселилась в Рим». Именно его усилия, направленные на глубокое ознакомление итальянских гуманистов с греческой культурой, сопутствуют первым шагам настоящих представителей Ренес-

⁷⁰ *Cammeili*, 2, 169, not. 3.

⁷¹ *Ibid.*, 2, 195 sq.; 2, 116, not. 2.

⁷² Последнее, между прочим, побудило в 1458 г. папу Калликста посодействовать удалению Георгия из Рима. Вернуться в Рим Георгию было разрешено только при папе Пие II. Умер Георгий в возрасте около 90 лет, в 1484 г., всеми покинутый и в бедности.

санса по этой вновь перепахиваемой культурной почве. Влияние этих усилий заметно даже там, где наука дает только импульсы, но не производит самостоятельной исследовательской работы, а именно — в изобразительном искусстве. Великие мастера Возрождения, действовавшие в области живописи, скульптуры и архитектуры, были гуманистами или подвергались сильному воздействию гуманистов. Обратим наши взоры на самого привлекательного из них, на Рафаэля, как раз в связи с полным значения глубоко волновавшим его современников сравнением двух великих философов древности, Платона и Аристотеля. Вспомним его великолепную фреску в Stanza della Segnatura в Риме, носящую название «Афинская школа». Молодой мастер показал себя здесь знатоком греческой философии и поразительно точным толкователем вопроса о главном различии между обоими философами: Платоном и Аристотелем. Один, основоположник идеализма, с «Тимеем» в левой руке, указательным пальцем поднятой правой руки направляет наш взгляд кверху; другой, держа в левой руке «Этику», показывает проткнутой вперед правой рукой на землю, как будто хочет сказать то, что Гете впоследствии заставит признать своего Фауста:

«Достаточно познал я этот свет,
А в мир иной для нас дороги нет.
Слепец, кто гордо носитя с мечтами,
Кто ищет равных нам за облаками!
Стань твердо здесь — и вокруг ееди за всем:
Для мудрого и этот мир не нем.
Что пользы в вечность воспарять мечтою!
Что знали мы, то можно взять рукою».

Действительно, об итальянском гуманизме можно сказать, что он сделал людей нового времени восприимчивыми к мировоззрению, далекому от схоластических спекуляций, рассматривающему природу, землю, как главную арену применения наших человеческих сил. Это мировоззрение стало плодотворным для прогрессивной эмансипации человечества именно благодаря связи гуманизма с греческой культурой, — связи, не утратившей своего значения для развития европейской культуры вплоть до наших дней.

Перевод с немецкого М. С. Вейсман

ЛИТЕРАТУРА

- Bertoni, Giulio. Guarino da Verona fra letterati e cortigiani a Ferrara. Genova, 1921.
Bruni, Leonardo. Leonardo Bruni Aretini Epistolarum libri VIII, rec. Laurentius Mehus. Firenze, 1714.
Брусе, James. The Holy Roman Empire. London, 1902.
Burckhardt, Jakob. Die Kultur der Renaissance in Italien. Ausgabe von Wilhelm von Bode. Berlin, 1928.
Cammelli, Giuseppe. I dotti bizantini e le origini dell'umanesimo. 1. «Manuele Crisolora», 2. «Giovanni Argiropulo». Firenze, 1941.
Diehl, Charles. Figures byzantines. Paris, 1948.
Doren, Alfred. Italienische Wirtschaftsgeschichte, Bd. I. Jena, 1934.
Fuchs, F. Die höheren Schulen von Konstantinopel im Mittelalter. Byz. Archiv, H. 8, Leipzig—Berlin, 1926.
Gaspary, Adolf. Geschichte der italienischen Literatur. Straßburg, 1888.
Guarino, Veronese. L'Epistolario di Guarino Veronese raccolto, ordinato, illustrato da Remigio Sabbadini, t. 1—3. Venezia, 1915, 1916, 1919.

- Hartmann, Ludo M. *Geschichte Italiens im Mittelalter*, 4 Bände. Leipzig, 1897—1915.
- Krumbacher, Karl. *Geschichte der byzantinischen Litteratur*, 2. Aufl. München, 1897.
- Lampros, Spyridon P. *Ἀργυροπούλεια. Ἀθήναις*, 1910.
- Legrand, Emile. *Cent-dix lettres grecques de François Filelfe*. Paris, 1892.
- Müllner, Karl. *Reden und Briefe italienischer Humanisten*. Wien, 1899.
- Mohler, Ludwig. *Kardinal Bessarion als Theologe, Humanist und Staatsmann*. «Quellen und Forschungen aus dem Gebiete der Geschichte», XX, Bd. I. (Darstellung), Paderborn, 1923; Bd. II. (In calumniatorem Platonis). Paderborn, 1927.
- Naegele, A. *Johannes Chrysostomos und sein Verhältnis zum Hellenismus*. BZ, Bd. 13, 1904, S. 73 f.
- Rocholl, Rudolf. *Bessarion. Studie zur Geschichte der Renaissance*. Leipzig, 1904.
- Sabbadini, Remigio. *Vita di Guarino Veronese*. Genova, 1891; *Il metodo degli umanisti*. Firenze, 1922; *Le scoperte dei codici latini e greci nei sec. XIV e XV*. Firenze, 1905; *L'ultimo Ventennio della vita di Manuele Crisolora (1396—1415)*. «Giornale linguistico», XVII, fasc. 9—10, 1890, p. 321—336.
- Salutati, Coluccio. *Epistolario di Coluccio Salutati*. A cura di Francesco Novati; «*Fonti per la Storia d'Italia pubblicate dall'Istituto Storico Italiano*», Roma, 1891—1905.
- Theiner, Aug. und Miklosich, Fr. *Monumenta spectantia ad unionem ecclesiarum*. Wien, 1872.
- Tuilier, André. *Aperçu sur la naissance de la féodalité byzantine*. «*La Pensée*», № 66. Paris, 1956.
- Vergerio, Pier Paolo. *Epistolario di Pier Paolo Vergerio*. A cura di Leonardo Smith. «*Fonti per la Storia d'Italia pubblicate dell'Istituto Storico Italiano*», Roma, 1934.
- Vespasiano da Bisticci. *Vita di uomini illustri del sec. XV*. A cura di L. Frati. Bologna, 1892.
- Vogel, M. und Gardthausen, V. *Die griechischen Schreiber des Mittelalters und der Renaissance*. Leipzig, 1909.
- Voigt, Georg. *Die Wiederbelebung des klassischen Alterthums oder das erste Jahrhundert des Humanismus*, Bd. I—II, 2. Aufl. Berlin, 1880—1881.
- Zampeliος, S. *Italohellenica*. Athen, 1864.